

государством, раздираемым классовыми противоречиями и представлявшим легкую добычу для своих соседей. Эта слабость явилась результатом страшного разграбления крестоносцами византийских владений на Балканах, переворота 1258 г., обеспечившего полную независимость византийской аристократии, ничего не забывшей и ничему не научившейся после трагических событий 1204 г., далее — разгрома восстания малоазиатских акритов и крестьян в 1262 г., одним из последствий которого было перенесение центра тяжести в обороне на наемников, наконец, результатом возвращения к старой системе переобременения трудящихся масс налогами. Крупные собственники теперь легко добивались не только налогового, но и судебного иммунитета. Крупная земельная собственность все в большей степени освобождалась от налогового бремени; государственные доходы все более убывали. Банкротство прониарной системы ярко выражалось в том, что византийское войско теперь состояло почти исключительно из иностранных наемников.

Восстание народных масс, нашедшее свое высшее выражение в «Фессалоникийской коммуне» (1342—1349), могло бы и в этот момент спасти Византию от гибели при условии победы трудящихся масс. Но в византийском городе XIV в. не было такого класса, который мог бы повести за собой крестьянство и раздавить эксплуататоров. Создававшаяся в Фессалонике своеобразная республика продержалась недолго.

Разгром фессалоникийских зилотов при помощи иностранной — турецкой и сербской — интервенции лишил Византию последней надежды на спасение. Притом она теперь должна была выдерживать не только турецкий натиск с Востока, но и противостоять латинскому Западу, который, в лице венецианцев и генуэзцев, захватил в свои руки всю левантийскую торговлю и торговлю на Черном море. Византийское государство, истощенное в военном и финансовом отношении, было бессильно оказывать противодействие этому двойному натиску — с азиатского Востока и из Западной Европы. Характерно, что еще до восстания зилотов Феодор Метохит — видный государственный деятель при Андронике II — уже не видел никакого средства спасения для Византии. Он мог только красноречиво оплакивать прежнее величие «ромеев» и их «погибшее счастье». Территорию империи он называл «очень ограниченной, терзаемой разными болезнями, легко страдающей от всякого покушения соседей, являющейся беспомощной жертвой судьбы и случайностей»¹ (*ὑπομνηματισμοὶ καὶ σπουδαῖοις γυμνασίαις*). Естественно, что при таких обстоятельствах туркам не стоило большого труда и усилий добить это ослабленное государство, являвшееся тенью старой могущественной Византии.

Буржуазные историки, как правило, уделяют совершенно недостаточное внимание внутренним социально-экономическим причинам падения Византии, не анализируют особенностей поздневизантийского феодализма, не изучают византийского города в эпоху Палеологов и мало внимания

¹ Theodori Metochitae miscellanea, ed. Chr. G. Müller-Th. Kiessling. Lipsiae, 1821, p. 234.